

"ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ"

Протоиерей Михаил Труханов
Из книги «Воспоминания: первые 40 лет моей жизни»

Работающие в нашей бригаде англичане были военными летчиками, некогда расквартированными в Прибалтике. Когда наши войска вошли в Прибалтику, летчиков препроводили в Бутырку, а теперь доставили в 123 лагпункт.

С одним из них – Франком Бекстером (примерно тридцатилетнего возраста) я сблизился во время начавшейся у нас обоих болезни – декомпенсации сердца, сопровождавшейся отечностью конечностей и водянкой живота. Помещались мы в одной палатке. В санчасти нас уже освобождали от выхода на работу за зону; и потому мы почти все время лежали в палатке. Лингвистические данные были у нас примерно одинаковые: Франк научился в Бутырке кое-как понимать и говорить по-русски, а я что-то помнил из курса английского языка, усвоенного в институте. Каждый из нас при разговоре восполнял свой личный недостаток нужных слов обильной жестикуляцией, доводя собеседника если уж не до понимания такой "речи", то по крайней мере до догадки о смысле ее.

Наша "беседа" тематически касалась сиюминутной тяжести лагерной жизни: преодоления чувства голода, восстановления утраченного здоровья и прекращения нашего заточения.

Нам всегда хотелось есть. Истощенному человеку мало было съесть 400 грамм хлеба. Трудно стало вставать с постели; еще труднее ходить.

Франк и я принялись усердно молиться Богу известной молитвой Господней "Отче наш", в которой есть такие слова: "Хлеб наш наущный даждь нам днесъ". Он меня учил произносить молитву по-английски, а я старался, чтобы Франк знал, как она читается по-русски.

Здесь следует упомянуть, что с первых же дней пребывания на 123 лагпункте, я познакомился с приходящей в столовую дневальную женского барака, пятидесятилетней монахиней Александрой Петровной Садчиковой. В последующее время при встречах мы здоровались как старые знакомые. Последние две-три недели я почти совсем не выходил из палатки и, разумеется, с матушкой не встречался.

Однажды мы переживали состояние недоедания и голода особенно тяжело. Франк говорит мне: надо так с верою читать "Our

Father", чтобы Господь услышал нас, голодных, и сразу же дал нам хлеб.

Три раза произносил Франк "Our Father" и я трижды вторил ему. Затем я по-русски трижды читал "Отче наш" и он мне вторил. Читали с верою, сознательно, просительно; ибо убеждены были в том, что любящий всех Господь и слышит и видит нас, к Нему молящихся.

Слышим, со скрипом открывается дверь палатки. Чей-то женский голос робко спрашивает дневального (старика с протезом вместо левой ноги): "У вас здесь живет (называется моя фамилия)?" Дневальный отвечает: "Да. Вот там в углу лежит". Женщина ушла из палатки раньше, чем я повернулся посмотреть на нее.

Заслышав свою фамилию, я тревожно недоумевал: кому и зачем я мог понадобиться? Может от лагерного начальства прислали справиться обо мне, готовя на отправку в этап... Еще раза по два Франк и я прочти молитву Господню.

Минут через десять опять раздается скрип открывающейся двери, и женщина, оказавшаяся известной мне монахиней, проходит мимо рядов вагонок (нар) прямо в угол, где мы лежим.

"Мир вам, Михаил Васильевич! Давно вас не видела; узнала, что вы болеете. Вот и пришла навестить вас; возьмите это (она развернула платок и передала мне две пайки хлеба по двести грамм), ешьте на здоровье. Небось, ведь есть-то хочется. Будьте здоровы, оставайтесь с Богом".

И, скомкав платок, она повернулась и зашагала к выходу. Уже вдогонку ей я нашелся проговорить: "Спаси вас, Господи. Александра Петровна! Благодарю вас".

Не договариваясь, Франк и я прочли с благодарностью к Богу "Our Father" и со слезами на глазах принялись есть "хлеб наш наущный".

Вскоре Франка Бекстера из лагеря освободили; уходя, он мне оставил свой прекрасный спальный мешок (теплый и легкий), служивший мне до осени 1944 года.

